УДК 94 (398) (093)

О НЕКОТОРЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ ИЗУЧЕНИЯ НЕКРОПОЛЯ ФАНАГОРИИ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ[1]

А. П. Медведев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 ноября 2011 г.

Аннотация: *статья посвящена анализу погребений римского времени из раскопок Восточного некрополя Фанагории в 2005–2007 гг. Они позволяют во многом по-новому рассмотреть вопрос о соотношении эллинских и варварских элементов в культуре населения Фанагории I–III вв. н.э. и проливают свет на проблему сарматизации Боспора.*
Ключевые слова: *Северное Причерноморье, Фанагория, эллины, варвары, сарматизация, погребальный обряд, сопровождающий инвентарь.*

Abstract: *the article is dedicated to analysis of Roman-age burials from 2005–2007 excavations of Eastern necropolis of Phanagoria. They allow to reconsider an issue of interrelation between Hellenic and barbarian elements in culture of Phanagoria population in 1–3rd centuries AS and throw the light upon Sarmatization of Bospor.*
Key words: *Northern Black Sea region, Phanagoria, Hellenes, barbarians, Sarmatization, funeral rite, grave goods.*

В 2005–2007 гг. масштабные археологические исследования Восточного некрополя Фанагории проводили сотрудники и студенты Воронежского госуниверситета, работавшие в составе Фанагорийской (Таманской) археологической экспедиции Института археологии РАН [1; 2]. Из 120 открытых погребений 44 по сопровождающему инвентарю определенно датируются римским временем (I–III вв. н э.), но, судя по обрядовым признакам (поза, ориентировка и др.), их было значительно больше. На площади некрополя они располагались весьма неравномерно. Так, в раскопе 2005 г. их почти не оказалось, тогда как в раскопе 2006 г. большинство погребений относились к первым векам н.э. (рис. 1). Но даже и здесь они не образовывали единой группы ни в типологическом, ни в хронологическом отношении. Установлено, что облик материальной культуры и обрядность рядового фанагорийского населения начинает существенно изменяться с последних десятилетий I в. до н.э. Самые ранние его археологические хроноиндикаторы: одночленная бронзовая фибула среднелатенской схемы, подкововидная бронзовая пряжка, ранние типы краснолаковой посуды и др.

Основная масса погребений римского времени на раскопанном участке Восточного некрополя приходится на I в. н.э. В них встречены следующие хроноиндикаторы: монеты (начиная с Аспурга), фибулы (лучковые одночленные 1–2 вариантов, с плоской спинкой и с кнопкой или завитком на конце пластинчатого приемника, инкерманской серии, смычковые, фибулы-броши), небольшие плоские бронзовые зеркала, бусы (египетский фаянс, глазчатые, со спиральным орнаментом, стеклянные с металлической прокладкой и др.), краснолаковая керамика, в том числе с оттисками planta pedis, светильники местного производства, реже коаснолаковые стеклянные бальзамарии, бронзовые ведеркообразные амулетницы, бронзовые колокольчики и др.

С начала н.э. в Фанагорийском некрополе абсолютно доминировал обряд ингумации. Трупосожжения не встречены ни разу, хотя открыта одна так называемая «кремационная яма-печь» (погр. 76). К этому времени исчезает обычай совершать детские погребения в амфорах и больших кувшинах, связанный с греческой погребальной традицией. Ведущие типы погребальных сооружений раннеримского времени – грунтовые могилы, как широкие, так и узкие (28), грунтовые однокамерные склепы (10), ямы с заплечиками (2), подбои, в том числе двойные с закладами из сырца и черепиц (2), каменные ящики (2). Их образцы представлены на рис. 2, 3. В грунтовых могилах, подбоях, ямах с заплечиками и каменных ящиках, как правило, совершались индивидуальные захоронения, хотя встречаются и исключения. В грунтовых ямах известны случаи совместного погребения двух взрослых, взрослого и ребенка, двух детей. В погребении 63 открыто два мужских захоронения, расположенных на различной глубине. При этом

[1] Исследование выполняется при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда по проекту № 10-01-00343а.

© Медведев А. П., 2012

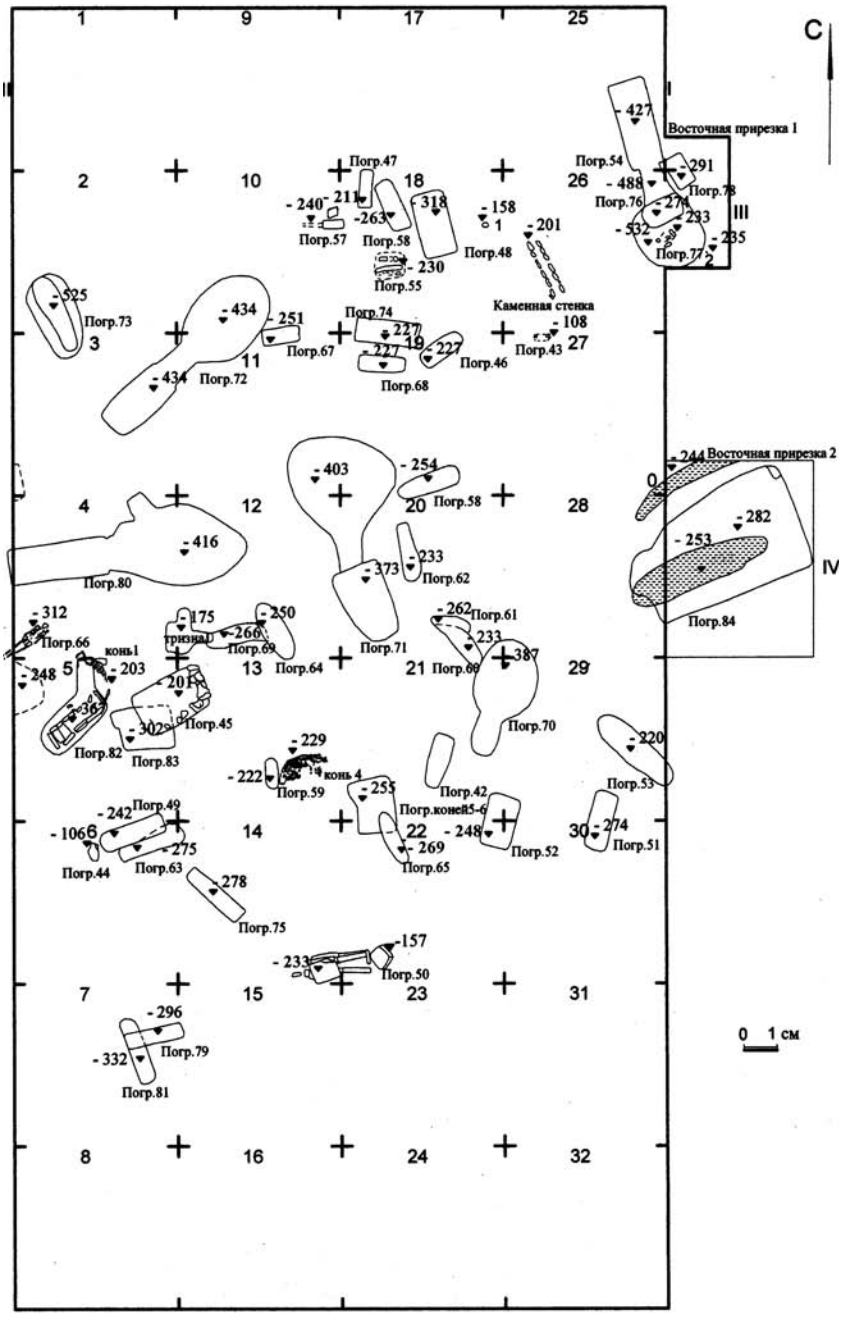

Рис. 1. План раскопа на Восточном некрополе Фанагории 2006 г.

более раннее погребение содержало хроноиндикаторы позднеэллинистического времени, в том числе пантикапейскую монету II в. до н.э., тогда как верхнее захоронение, судя по находке краснолакового кувшина и железной пряжки с прямоугольной рамкой и подвижным язычком, было совершено не ранее начала н.э.

Обращает на себя внимание, что оба погребенных были похоронены по одному и тому же обряду. В погребении 53 обнаружено погребение женщины с девочкой, причем их скелеты лежали по одной оси («дочь в ногах матери»), из-за чего пришлось выкопать длинную узкую могилу. В погребении 55 совершено парное детское погребение. Следует отметить необычный ритуал захоронения в погр. 66. Нижние конечности погребенной были дважды аккуратно перепилены – бедренные чуть выше колен (лежали in situ), берцовые выше щиколоток (кости ступней отсутствовали). Из обрядовых особенностей этого времени нужно отметить использование камки, которая, однако, встречается гораздо реже, чем в предшествующую эллинистическую эпоху. На головах усопших, особенно в склепах, встречались остатки золотых погребальных венков – важный элемент греческого погребального ритуала.

Как правило, склепы этого времени имели мощные каменные заклады, отделявшие дромос от камеры (см. рис. 3, *1*). В склепах I – начала II в. они сложены из специально вырубленных известняковых плит, которые со стороны дромоса подпирали массивные каменные блоки. Более поздние гробницы II и особенно III в. были заложены вторично использованными рельефными каменными надгробиями и старыми архитектурными деталями. Камеры склепов римского времени обычно подпрямоугольной или округлой в плане формы. Скорее всего, они использовались для погребения родственников – членов одной семьи. Обычно они содержали останки 3–5 человек. Но встречаются и исключения: погр. 84 – не менее 10, погр. 100 – не менее 8 человек)[2].

В склепах захоронения совершались в деревянных гробах или саркофагах (в погр. 101 обнаружены остатки кипарисового саркофага), при этом в ряде случаев они были украшены фигурными гипсовыми прилепами с изображениями хтонических существ. Все склепы ограблены. Грабители, как правило, оставляли стеклянные и мелкие глиняные сосуды, а также детали одежды и мелкие украшения из бронзы, железа, стекла.

Как и в предшествующую эпоху, погребенных чаще всего хоронили на спине, вытянуто, с руками, уложенными вдоль туловища, и прямыми ногами. В захоронениях последних десятилетий I в. до н.э. – на-

[2] Все антропологические определения выполнены доктором исторических наук М. В. Добровольской.

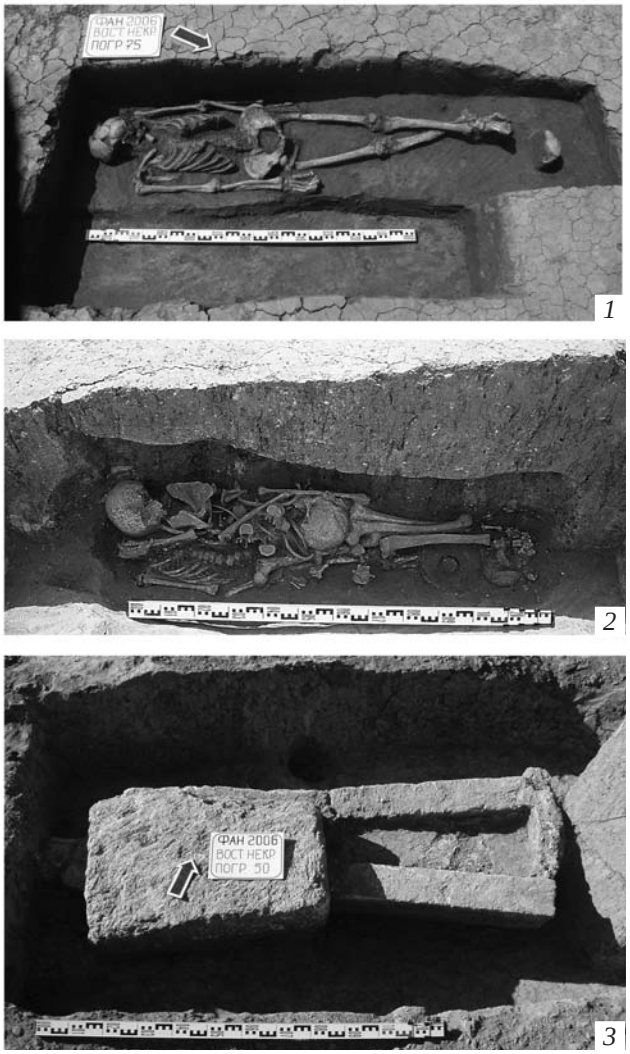

Рис. 2. Типы погребений римского времени Восточного некрополя Фанагории: *1* – грунтовая могила погр. 75; *2* – подбой погр. 96; *3* – каменный ящик погр. 50

Рис. 3. Склеп погребения 100 (*1*) и конские захоронения (*2*) над погребением 65

чала I в. н.э. становится более заметной южная ориентировка, хотя по-прежнему встречается восточная и западная (с отклонениями), более характерная для эллинистического времени. Со второй половины I в. н.э. преобладает ориентировка головой на юг, а в склепах – почти всегда в сторону дромоса. С этого же времени в грунтовых могилах и подбоях появляются такие нехарактерные для фанагорийцев предшествующего времени обрядовые особенности, как положение кисти руки на нижнюю часть живота и перекрещенные в голенях ноги (см. рис. 2, *1*). Их распространение, скорее всего, связано с сарматомеотской обрядностью.

Следует напомнить, что начиная с диссертации И. С. Каменецкого (1965 г.) некоторые исследователи не рассматривают указанные обрядовые признаки в качестве этнических маркеров сарматов на том основании, что они встречаются не только у последних, но также у меотов и в античных некрополях. Однако мы обращаем внимание на то, что в первые века н.э. этот обычай широко распространяется в Сарматии там, где его до прихода сарматов не было, например, в Степном Причерноморье [3, с. 9] и в Лесостепном Подонье [4, с. 54]. В любом случае он свидетельствует о появлении в Фанагории группы населения, которая даже здесь сохраняла традиции варварской меото-сарматской погребальной обрядности. С I в. в могилах начинает встречаться меловая подсыпка – традиция, свойственная сарматской погребальной обрядности.

Со второй половины II в. в Восточном некрополе распространяется северная ориентировка, характерная для поздних сарматов. Позднее, в III–V вв., она становится здесь доминирующей. Какие идеологические факторы способствовали столь радикальным изменениям этого важного обрядового признака, мы не знаем. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что в Фанагорийском некрополе мы наблюдаем точно такую же последовательность распространения сначала южной, а затем северной ориентации погребенных, что и в степном сарматском мире первых веков н.э. С конца II в. в некрополе появляются первые захоронения с искусственно дефор-

мированными черепами, что является бесспорным признаком позднесарматской традиции.

В склепах I–III вв. в качестве закладов нередко использовали каменные надгробия, снятые с более ранних погребений. Все они изготовлены из керченского известняка. В погребении 71 в закладе найдено фрагментированное двухъярусное рельефное надгробие : верхний ярус – усопший возлежит на ложе с кубком, в его ногах восседает на кресле женщина, нижний ярус – боспорские конные воины в характерной одежде и с оружием кочевников [1, рис. на с. 35]. Такие рельефы наглядно «воскрешали» величие личности усопшего знатного фанагорийца, который представлен здесь в двух ипостасях: как воин-всадник и как счастливо пирующий в загробной обители герой [5, с. 81].

Два рядом лежащих известняковых рельефных надгробия (мужское и женское) найдены вне погребальных комплексов в северо-западной части раскопа 2007 г. Мужское надгробие (рис. 4, *1*) представляет сцену загробной трапезы. Героизированный усопший возлежит на ложе, изголовье которого украшено протомой льва. Левой рукой он подпирает голову, правой опирается на ложе. Перед ним расположен трехногий столик-трапедза, на котором стоит кубок. Внизу справа находится схематично вырезанная фигурка слуги, который протягивает господину сосуд. На втором надгробии (рис. 4, *2*) высечена фигура женщины,

Рис. 4. Надгробия Восточного некрополя Фанагории: *1*, *2* – из слоя, раскоп 2007 г.; *3* – погр. 72, заклад; *4* – погр. 87, перекрытие; *5* – погр. 80, заполнение камеры

сидящей в кресле в траурной позе. Она изображена в трехчетвертном повороте: верхняя часть туловища и голова анфас, нижняя – в профиль. На голове усопшей покрывало, из-под которого видны волосы. На женщине длинный хитон и гиматий, на груди обозначен треугольный вырез одежды. Правая рука поднесена к плечу и поддерживает покрывало. Левая рука согнута, ладонь сложена на животе. У ног женщины схематично вырезано изображение служанки, несущей в руках сосуд типа урны или шкатулки. Третий – мужской – персонаж находится в верхнем левом углу рельефа, он изображен крайне схематично.

В погр. 72 обнаружено рельефное надгробие со сценой прощания: справа – сидящая на кресле женщина в позе печали, слева – стоящий длинноволосый юноша в короткой куртке, опирающийся локтем левой руки на колонку, его правая ладонь лежит на плоском верху той же колонки (рис. 4, *3*). Рельеф принадлежит одному из наиболее распространенных типов боспорских надгробий раннеримского времени.

В детском погребении 87 в качестве перекрытия грунтовой могилы была использована более ранняя женская скульптура так называемого синдского типа (рис. 4, *4*). Скульптура изображает женщину зрелого возраста. Лицо овальное, его черты довольно грубые; глаза крупные, миндалевидной формы, в глубоких глазных впадинах. Щеки одутловатые, заметно ввалившиеся вокруг рта, подбородок довольно массивный. Надо лбом видны два округлых выступа – завитки волос или украшения. На голове покрывало, прикрывающее не только плечи, но и руки до кистей. Шея женщины обнажена, ниже глубоким рельефом обозначен треугольный вырез верхней одежды. Правая рука покоится на груди и придерживает край покрывала. Левая рука сжимает плод яблока или граната. В нижней части фигуры тремя косыми дугообразными бороздками переданы волнистые складки верхнего платья. В передаче черт лица женщины заметны отличия от канонов типично греческих женских изваяний, в частности, бросающаяся в глаза широколикость. По иконографии ей наиболее близка скульптура I в. н.э. с Ахтанизовского лимана, отнесенная Н. И. Сокольским к третьей группе синдских изваяний [6, с. 196–198, рис. 3].

В заполнении камеры склепа погребения 80 обнаружена голова мужского скульптурного надгробия, высеченного из желтоватого керченского известняка (рис. 4, *5*). Несмотря на сильную эрозию, она передает облик фанагорийца с суровыми чертами лица. Любопытно, что в этом склепе встречен набор вооружения сарматского типа.

Несмотря на очень сильно ограбление, уцелевший инвентарь погребений римского времени более богат и разнообразен, нежели в предшествующую эллинистическую эпоху. Это различные типы местной круговой красноглиняной посуды, реже – привозной краснолаковой керамики (рис. 5, *1*). Обычной находкой являются светильники, как правило, местного производства (рис. 5, *3*), редко – краснолаковые (рис. 5, *4*), а также глиняные бальзамарии (рис. 5, *5*). Чаще, чем керамическая, встречается стеклянная посуда: кувшины, кубки, тарелки, чаши; особенно многочисленны бальзамарии разных типов (рис. 5, *6*, *7*). Массово представлены бронзовые и железные фибулы (рис. 6, *1–6*), пряжки (рис. 6, *7*, *8*), браслеты, серьги (рис. 6, *10*), бусы (рис. 6, *11*, *12*), остатки шкатулок, бронзовые замки и ключи от них, железные, бронзовые, золотые перстни со вставками (рис. 6, *14*) и другие украшения. Из редких находок отметим небольшой гагатовый флакон (рис. 6, *9*), укарашенный врезным геометрическим орнаментом типа найденного в погребении сарматской царицы в Соколовой могиле [7, с. 82; рис. 86]. Обращает на себя внимание небольшой золотой диск с гравированным изображением фигуры гермообразного божества (рис. 6, *13*). Его фигура передана весьма схематично – лицо круглое, волосы намечены точечными вдавлениями, напоминающими лучи, признаки пола подчеркнуты. Диск близок находке так называемого «двойного золотого брактеата» из керченской гробницы, раскопанной В. В. Шкорпилом в 1902 г. [8, с. 51–52, рис. 86]. Назначение подобных изделий не ясно, но скорее всего, связано с культовой сферой.

В керамическом комплексе римского времени все более заметную долю составляет негреческая сероглиняная лощеная посуда, иногда с характерными зооморфными ручками, выполненными в виде фигурок животных. При этом уже в I в. известны находки в составе сопровождающего инвентаря зооморфных сосудов, изготовленных на гончарном круге. Так, в детском погребении 46 с типично греческим инвентарем встречен небольшой сероглиняный гончарный кувшин с ручкой в виде кабана (см. рис. 5, *2*)[3]. Чаще всего появление такой своеобразной керамики связывают с распространением сарматской культурной традиции, хотя изготавливали ее, конечно, не кочевники-сарматы, а скорее всего, оседлые меоты, давно знавшие гончарный круг и особенности технологии изготовления сероглиняной посуды [9]. По-видимому, меотские гончары, как и мастера Европейского Боспора, начали изготавливать сосуды с зооморфными ручками, ориентируясь на вкусы варварского, прежде всего сарматского, населения [10, с. 145]. Напомним, что эта традиция сохранялась у алан Северного Кавказа и салтово-маяцкой культуры до конца I тыс. н.э.

[3] Эта находка опровергает недавнее весьма категоричное заключение М. А. Котина о том, что сосуды с ручками в виде кабана встречаются исключительно на Европейском Боспоре [10, с. 143–148].

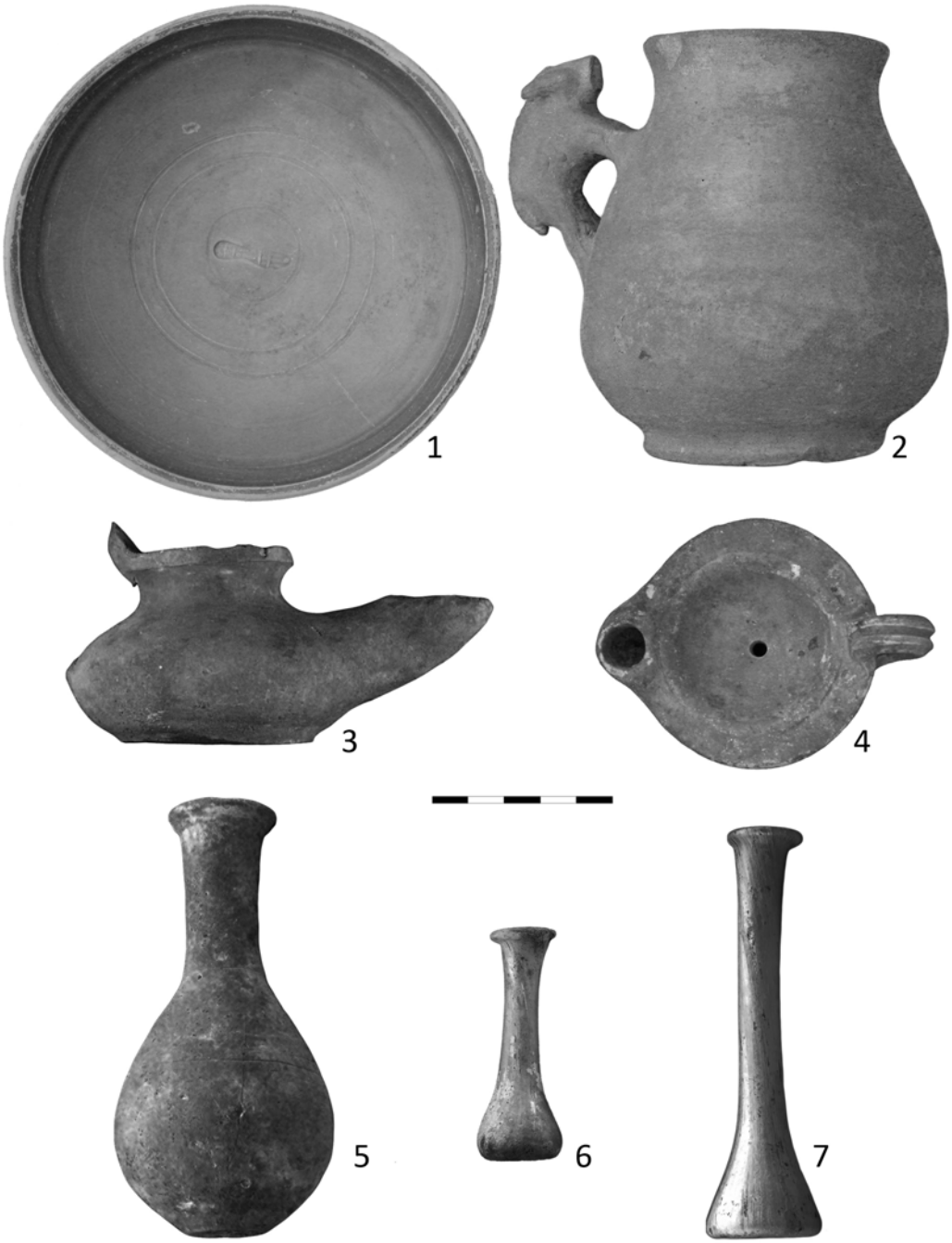

Рис. 5. Керамический и стеклянный инвентарь из погребений римского времени Восточного некрополя Фанагории: *1, 2* – погр. 46; *3* – погр. 84; *4* – погр. 101; *5* – погр. 53; *6* – погр. 55/2; *7* – погр. 48

В пяти склепах римского времени найдено около двух десятков терракот. Среди них преобладают фигурки эллинских богинь и иных женских персонажей (рис. 7, *3*). Более интересны и информативны мужские терракоты. В нише склепа погребения 104 среди пяти терракот обращает на себя внимание фигурка пешего воина со щитом (рис. 7, *1*). Ее высота – 18,8 см. Цвет поверхности терракоты бледно-оранжевый. На ее обратной стороне имеется округлое отверстие. Юноша изображен в башлыке или фракийской шапке, покрывающей нижней частью шею и спину. Из-под нее видны длинные, достигающие плеч, волосы. Он одет в короткий, распахнутый снизу кафтан, на его спину накинут длинный плащ. Обнаженные ноги юноши скрещены. Левая рука закрыта щитом, правая опирается на большой овальный щит кельтского типа θυρεός. На нем хорошо заметно вертикальное скрепляющее ребро. В центре щита имеется эмблема в виде распластанной фигуры животного. В произведениях греческого искусства такой овальный щит всегда символизировал галатов [16, с. 208]. На верхней части кафтана сохранились остатки краски голубого

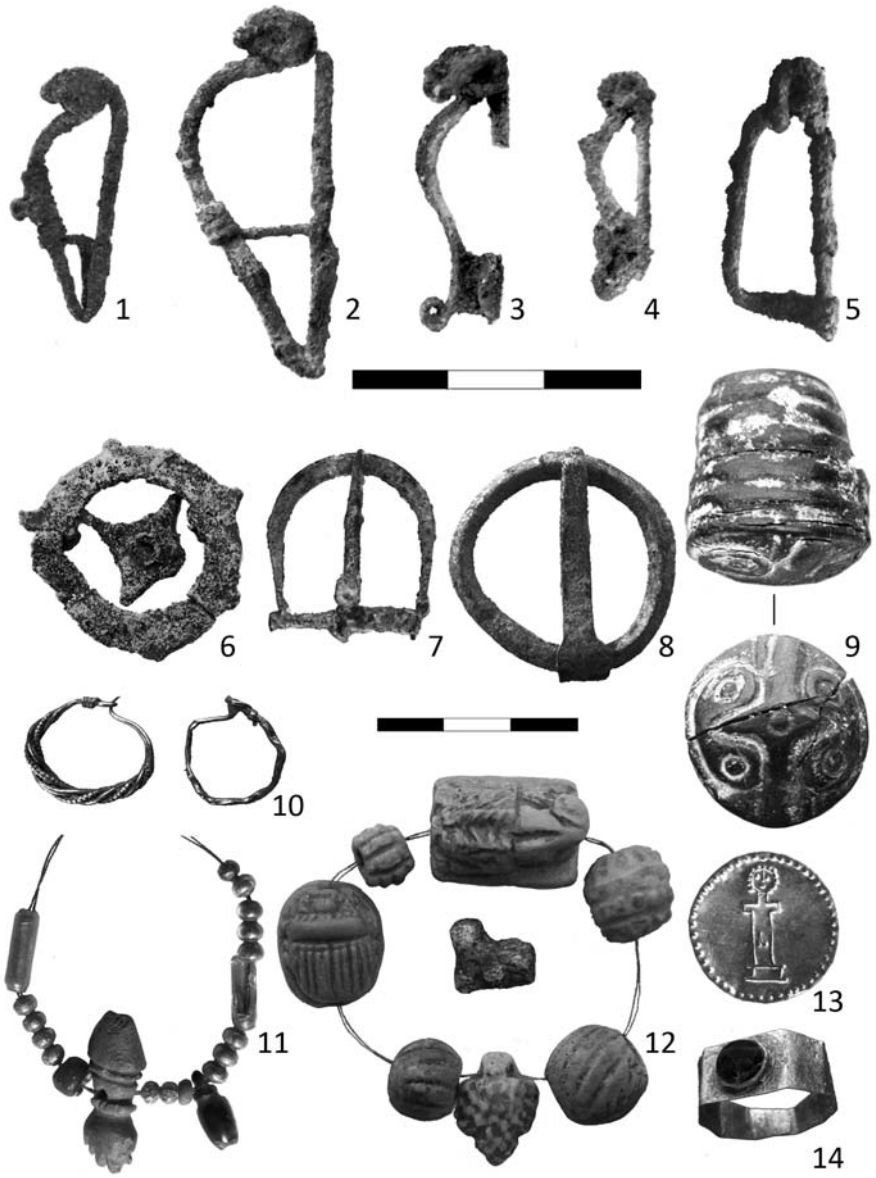

Рис. 6. Украшения и детали одежды из погребений римского времени Восточного некрополя Фанагории: *1* – погр. 88/1; *2–4, 9–12, 13* – погр. 84; *5* – погр. 53/2; *6* – погр. 117; *7* – погр. 96/2; *8* – погр. 75; *14* – погр. 54

цвета. На боспорских терракотах воины часто изображались в образе Эрота или Адониса [17, с. 17; рис. 2, *2*]. По классификации В. И. Пругло, статуэтка принадлежит второму типу терракот, изображающих воинов [16, с. 208]. Подобные терракоты найдены в доме Хрисалиска [14, с. 93; рис. 58, *10*, *11*]. Терракоты с фигурками воинов-варваров этого типа на Боспоре изготавливались довольно долгое время – со II в. до н. э. по I в. н.э. включительно. В Фанагории их находки известны со II в. до н.э. В нашем случае обращает на себя внимание довольно поздняя датировка захоронений 2-го яруса в камере склепа погребения 104, с которым связан комплекс терракот – не ранее второй половины II в. н.э.

В склепе погребения 100, датируемом I в., найдены две терракоты-марионетки с подвижными членами. Одну марионетку удалось полностью собрать, другая фрагментирована. Высота целой терракоты 18 см, цвет глины ярко-оранжевый (рис. 7, *2*). Обе статуэтки практически идентичны – они представляют гротескную фигурку мима с подвесными нижними конечностями и фаллосом. Вокруг головы изображена зубчатая корона, точнее венок из листьев, на шее – гипофимида в виде толстого жгута. Торс мима обнажен, подчеркнуты мускулы груди, снизу он заканчивается как бы юбочкой с поясом, конец которого свободно свисает спереди. Правая рука поднята кверху ладонью к зрителям, левая покоится на поясе. Сзади на голове имеется дырочка для нити, две другие дырочки находятся по бокам для подвешивания членов. Подобные статуэтки часто находили в Пантикапее. Они происходят из пантикапейских могил I в. до

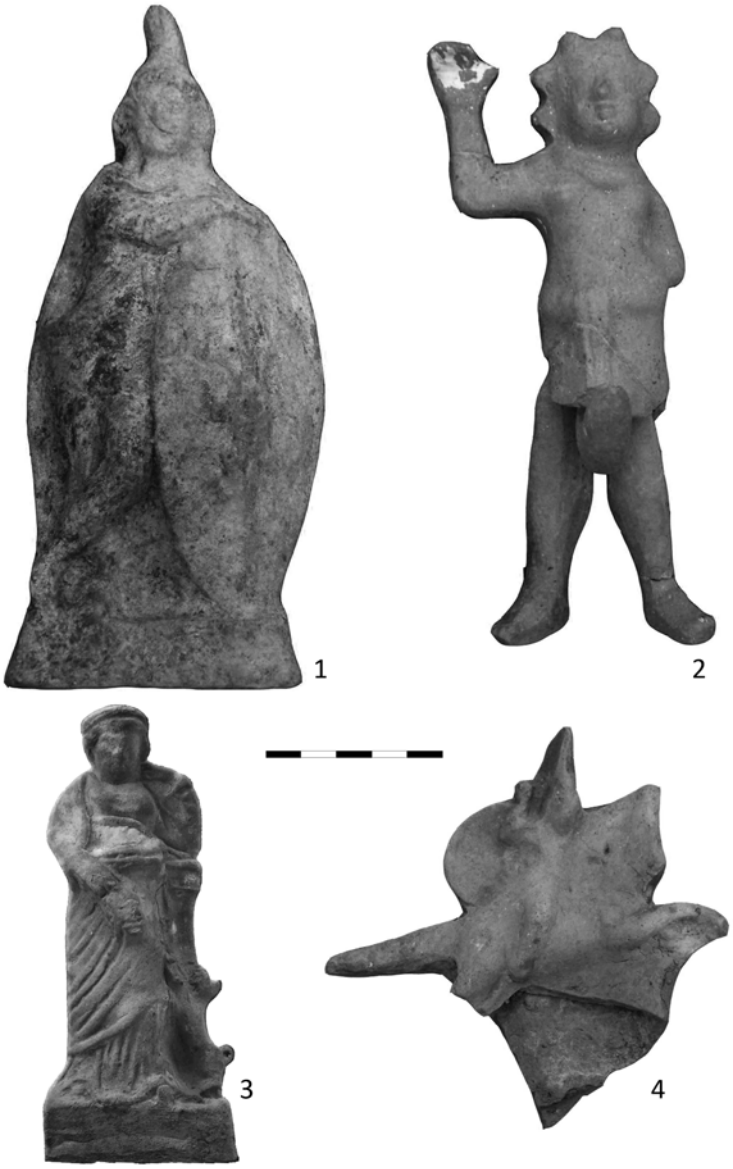

Рис. 7. Терракоты из погребений римского времени Восточного некрополя Фанагории:
1 – погр. 104; *2*, *4* – погр. 100; *3* – погр. 84

н.э. – I в. н.э. [11, с. 43, 44; табл. 53, 4]. Единичные находки известны в Фанагории [ГЭ Т. 186999. 25 в]. В Горгиппии статуэтка мима встречена в погребении первых веков н.э. [12, с. 49; табл. 56, *1*].

В том же погребении находилась терракота с изображением скачущего всадника на подставке, отбитой в древности (рис. 7, *4*). Голова всадника – в высоком остроконечном уборе – то ли колпаке, то ли шлеме с гребнем. Черты его лица не видны, так как терракота отлита в сильно изношенной форме. На всаднике облегающая куртка с заметным треугольным вырезом на груди. Его правая рука согнута в локте и поднята вверх, вероятно, она сжимала копье, левая – не видна. За спиной всадника плащ и большой круглый выпуклый щит. Его лошадь несется галопом, хвост изображен прямым. Голова лошади прижата к шее, ее лоб и нос переданы с характерным уплощенным прогибом. Терракоты с изображением скачущих всадников неоднократно встречались в Пантикапее [11, с. 27; табл. 29, 2], Фанагории [ГМИИ, инв. Ф. 805. Р. 1964 – погр. 99], на поселении «За Родину» [13, табл. XLVII, 38] и в «доме Хрисалиска» [14, с. 105; рис. 58, *3*]. Тип галопирующего всадника с поднятой для удара правой рукой хорошо представлен в коропластике Боспора со II в. до н.э., где он существовал до рубежа II–III вв. н.э. По стилю изображения найденная в фанагорийском погребении 100/1 статуэтка наиболее близка фигуре скачущего охотника из Пантикапея I в. н.э. [11, с. 34, 35; табл. 46, 2], но отличается от последней наличием круглого щита за спиной, поэтому вряд ли здесь была изображена обычная для подобных терракот сцена охоты. Судя по тому, что

7. Заказ 397

нижняя отбитая часть занимала не менее половины терракоты, под лошадью могло иметься какое-то крупное изображение, может быть, повергнутого на землю противника. В фигурках «скачущих всадников» предлагают видеть сарматизированную ипостась конного героя [15, с. 59]. Однако против такой интерпретации всадника из погребения 100/1, на наш взгляд, свидетельствует наличие у него большого круглого щита за спиной – оружия, совсем не свойственного сарматам начала н.э. На это прямо обращали внимание их современники – античные авторы, в частности Тацит (Hist., I, 79. 3, 4; Germ., 46).

Оружие и снаряжение коня в погребениях римского времени встречались крайне редко. Воинское захоронение, сопровождаемое сарматским мечом с кольцевым навершием и железными черешковыми трехлопастными наконечниками стрел, исследовано лишь однажды – в склепе погребения 80. Однако в 2010 г. в Восточном некрополе, рядом с нашим раскопом 2006 г., открыты сразу два воинских погребения, сопровождаемых длинными мечами и прочим снаряжением, характерным для боспорских всадников [18, с. 316–321]. Оба имеют выраженный сарматский облик. Укажем случай гибели одного из фанагорийцев от оружия сарматского типа. В погребении 75 (рис. 2, *1*) в позвонках и тазовых костях мужчины 40–45 лет застряли железные трехлопастные черешковые наконечники стрел, характерные для сарматов первых веков н.э.

На площади некрополя римского времени в 2006 г. открыто семь конских захоронений: одиночных, парных и тройных[4]. Установлено, что некоторые из них были связаны с мужскими, другие с детскими погребениями. За исключением одного все они были совершены значительно глубже лошадей, которых обычно оставляли на уровне древней дневной поверхности. Так, над погребением 65 были положены две взрослые лошади головами в противоположные стороны (см. рис. 3, *2*). При этом череп южной лошади вместе с железными удилами провалился в могилу. В ней находился скелет мужчины с ничем особо не примечательным инвентарем. В погребении 95 сначала было совершено захоронение лошади, а поверх него положено тело младенца. В погребении 42 обнаружено три скелета лошадей, причем для каждой из них был вырыт отдельный подбой. Скорее всего, традиция совершать на некрополе захоронения с конями может свидетельствовать о притоке в Фанагорию около рубежа н.э. нового варварского населения, для которого был характерен старый меотский обычай сопровождать погребения конскими захоронениями [19, с. 149–150]. Возможно, это были аспургиане – выходцы из меото-сарматского мира Прикубанья (иран. *aspa-urga* – «владеющий мощными конями»).

Материалы фанагорийского некрополя показывают, что варвары-переселенцы, влившиеся в состав городского населения, в первые века н.э. эллинизировались, активно воспринимали боспорскую культуру, но при этом сохраняли и некоторые исконные традиции своего этноса. Одновременно эпиграфика показывает довольно резкий прирост иранских имен фанагорийцев [20, с. 174]. Напомним, что присутствие сарматов и алан среди населения Азиатского Боспора прямо фиксируется в эпиграфическом материале (КБН. № 837; № 1053; IG, XIV, 1636). Для нашей темы весьма важно, что в известном рассказе византийского императора Константина Багрянородного о войне Херсонеса с Боспором (De adm. imp., 53) упоминается *«страна боспорианов и сарматов»* (Βοσπορἰανοι και Σαρμάται). Запечатленный в этом источнике дуализм, вероятно, отражал реальное этническое состояние населения Боспора в III в., а может быть, и раньше [21, с. 106–107].

Не исключено, что это смешанное греко-сарматское население могло быть известно христианскому епископу Ипполиту Портскому, автору «Liber generationis» [22, p. 160–170]. Следует напомнить, что оригинал этого сочинения Ипполита Портского на греческом языке до нас не дошел, зато сохранился его латинский перевод. Это хронографическое сочинение, завершенное не позднее 235 г. н.э., представляло одну из первых попыток связать профанную географию античного мира с традиционной библейской генеалогией [23, coll. 1877]. Именно в нем находится интересный и, кажется, нигде более не встречающийся древний этноним graeco-sarmatae: *Sarmatarum autem gentes* et inhabitationes: Amaxobii, Graeco-sarmatae – *«А сарматов племена* и поселения: амаксобии, греко-сарматы» (Lib. gen., 34).

К сожалению, в тексте хроники не содержится каких-либо конкретных географических привязок для локализации греко-сарматов. Этот этноним можно было бы считать умозрительным конструктом епископа из Порты, своего рода очередной «мнимой реальностью» [24, с. 183–191], существовавшей лишь в голове христианского писателя и его современников, тем более что в древней географической традиции можно найти подобные смешанные этнонимы-гибриды, начиная с *«эллино-скифов»* Геродота и кончая «гото-греками» на западном побережье Малой Азии напротив о. Лесбос. Однако открытие в некрополе Фанагории (да и в других городах Боспора) серии погребений с хорошо выраженными сарматскими чертами и смешанным греко-сарматским погребальным обрядом еще раз заставляет задуматься об истинном этническом облике жителей этого города к началу позднеантичной эпохи.

[4] Все палеозоологические определения выполнены кандидатом биологических наук Е. В. Добровольской.

Представляется, что новые материалы из наших раскопок Фанагорийского некрополя проливают свет на проблему сарматизации Боспора. Как известно, впервые она была поставлена М. И. Ростовцевым [25, с. 206; 26, с. 147, 152] и развита советскими учеными 40–60-х гг. прошлого века [27, с. 413; 28, с. 162; 29, с. 116–159; 30, с. 30–33; 31, с. 149–150]. При этом если ранее в нашей науке наблюдалась некоторая переоценка роли сарматов и их культуры в истории Боспора – пожалуй, наиболее радикальную форму она приобрела в кандидатской диссертации покойного Ю. М. Десятчикова [32], то сейчас мы, похоже, являемся свидетелями противоположного явления. В отечественном антиковедении в последнее время возобладал весьма скептический подход к этому явлению в культуре античных, в первую очередь боспорских, городов. Сам термин «сарматизация» неоднократно и отчасти справедливо подвергался критике за его неточность. Лет 20 назад А. А. Масленников [33, с. 9–15, 218–219], а недавно и С. Ю. Сапрыкин [34, с. 236–244] проанализировали основные составляющие этого процесса на Боспоре. На наш взгляд, сейчас в исследованиях антиковедов акцент сместился на внутренние процессы развития боспорского общества и прежде всего на *эллинизацию* варваров, что, безусловно, имело место. Однако, как представляется, все это не может опровергнуть один непреложный факт – все более заметную сармато-аланскую окраску массовой культуры населения Фанагории, которая особенно ярко проявляется в материалах некрополя. Бесспорно, это явление также имело место, по крайней мере, с I в. н.э. Причем удельный вес этого варварского компонента постоянно возрастал, пока не стал доминирующим в некрополе позднеантичного времени. Не есть ли это главный результат того самого явления, которое традиционно принято называть сарматизацией?

Если рассматривать все эти признаки обряда, чуждые фанагорийцам эллинистической эпохи, изолированно, каждый по отдельности, то картина смазывается, размывается. Известно, что сам по себе анализ как обязательный этап исследования необходим, но он мало что дает для понимания сущности явления без синтеза, без интеграции того, что после анализа, так сказать, остается в остатке. На наш взгляд, мы имеем дело с пучком признаков, сигнализирующих о некоем новом явлении, которых не было в обрядности и культуре фанагорийцев до рубежа н.э. Разумеется, некоторые из них можно рассматривать как эпохальные – общие для культуры Боспора и сарматов, другие – как результат влияния сарматов, третьи – как результат античного влияния на культуру тех же варваров-сарматов. Но есть и такие, которые очень трудно объяснить, отказавшись от идеи сарматизации [35, с. 240–243]. Поэтому представляется, что еще рано отказываться от этого понятия и тем более брать его в кавычки. При всей его сложности и полисемантичности оно, судя по всему, еще не потеряло своего эвристического содержания. Во всяком случае, оно более адекватно объясняет всю совокупность имеющихся археологических, иконографических, и эпиграфических фактов, свидетельствующих о присутствии сарматов и их традиций в культуре и погребальной обрядности населения Фанагории первых веков н.э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фанагория / М. Г. Абрамзон, А. П. Медведев и др. ; под общ. ред. В. Д. Кузнецова. – М., 2008.

2. *Медведев А. П.* Новые материалы по истории и культуре античной Фанагории (из раскопок Восточного некрополя в 2005–2007 гг.) / А. П. Медведев // Норция. – Воронеж, 2009. – Вып. 6.

3. *Симоненко А. В.* Сарматы Таврии / А. В. Симоненко. – Киев, 1993.

4. *Медведев А. П.* Сарматы в верховьях Танаиса / А. П. Медведев. – М., 2008.

5. *Диатропов П. Д.* Изображения всадников в античном Северном Причерноморье / П. Д. Диатропов // Поздние скифы Крыма. – М., 2001.

6. *Сокольский Н. И.* Синдская скульптура / Н. И. Сокольский // Античное общество. – М., 1967.

7. *Ковпаненко Г. Т.* Сарматское погребение I в. н. э. на Южном Буге / Г. Т. Ковпаненко. – Киев, 1986.

8. ОАК за 1902. – СПб., 1904.

9. *Капустина Е. П.* Еще раз об одной из групп керамики с декорированными ручками сарматского времени / Е. П. Капустина // РА. – 2010. – № 3.

10. *Котин М. А.* Сосуды с зооморфными ручками на Боспоре / М. А. Котин // Боспорский феномен. – СПб., 2011.

11. Терракотовые статуэтки. – Ч. III : Пантикапей // САИ. – Г. 1–11. – М., 1974.

12. Терракотовые статуэтки. – Ч. IV : Подонье и Таманский полуостров // САИ. – Г. 1–11. – М., 1974.

13. Античные государства Северного Причерноморья. – М., 1984.

14. *Сокольский Н. И.* Таманский толос и резиденция Хрисалиска / Н. И. Сокольский. – М., 1976.

15. *Крыкин С. М.* Новые терракоты всадников из Фанагории / С. М. Крыкин // КСИА. – 1987. – № 191.

16. *Пругло В. И.* Позднеэллинистические боспорские терракоты, изображающие воинов / В. И. Пругло // Культура Античного мира. – М., 1966.

17. *Сокольский Н. И.* О боспорских щитах / Н. И. Сокольский // КСИА. – 1955. – № 58.

18. *Ворошилов А. Н.* О всадниках Фанагории / А. Н. Ворошилов // Боспорский феномен. – СПб., 2011.

19. *Беглова Е. А.* Воинские погребения Тенгинского грунтового могильника / Е. А. Беглова // Материальная культура Востока. – Вып. 5. – М., 2010.

20. *Даньшин Д. И.* Население Фанагории в I в. до н.э. – IV в. н.э. (этнический состав и этнокультурные традиции) : дис. ... канд. ист. наук / Д. И. Даньшин. – М., 1992.

21. *Грацианская Л. И.* К хронологии античных херсонесских сюжетов Константина Багрянородного (De administrando imperio. Cap. 53, lin 1–492) / Л. И. Грацианская // Боспорские чтения. – Вып. X. – Керчь, 2009.

22. Geographi latini minores / ed. A. Riese. – АРИО Henningeros Fratres, 1878.

23. *Lietzmann H.* Hippolytos / H. Lietzmann // PW RE. – Bd. 8. – Stuttgart, 1913.

24. *Подосинов А. В.* «Мнимые реальности» в античных представлениях о Восточной Европе / А. В. Подосинов // Восточная Европа в древности и Средневековье. – М., 2001.

25. *Ростовцев М. И.* Научный интерес истории Боспорского царства / М. И. Ростовцев // К 40-летию профессорской деятельности Н. И. Карева. – М., 1914.

26. *Ростовцев М. И.* Эллинство и иранство на юге России / М. И. Ростовцев. – Пг., 1918.

27. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство / В. Ф. Гайдукевич. – М. ; Л., 1949.

28. *Гайдукевич В. Ф.* К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья / В. Ф. Гайдукевич, С. И. Капошина // СА. – 1951. – Вып.15.

29. *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье / С. А. Жебелев. – М. ; Л., 1953.

30. *Блаватский В. Д.* Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье / В. Д. Блаватский // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. – М., 1959.

31. *Арсеньева Т. М.* Некрополь Танаиса / Т. М. Арсеньева. – М., 1977.

32. *Десятчиков Ю. М.* Процесс сарматизации Боспора : дис. ... канд. ист. наук / Ю. М. Десятчиков. – М., 1974.

33. *Масленников А. А.* Население Бопорского государства / А. А. Масленников. – М., 1990.

34. *Сапрыкин С. Ю.* К вопросу о сарматизации Боспора рубежа нашей эры / С. Ю. Сапрыкин // Северное Причерноморье в эпоху Античности и Средневековья. – М., 2006.

35. *Медведев А. П.* Сарматы в позднеантичной Фанагории / А. П. Медведев // Пятая Кубанская археологическая конференция : материалы. – Краснодар, 2009.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. Пушкина

КБН – Корпус боспорских надписей

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР

ОАК – Отчеты Императорской Археологической комиссии

РА – Российская археология

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

PW RE – Pauli's-Wissowa Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft

Воронежский государственный университет

Медведев А. П., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии и истории древнего мира

E-mai: APM1950@yandex.ru

Тел.: (473) 239-29-35

Voronezh State University

Medvedev A. P., Doctor of Historical Science, Head of the Archaeology and Ancient History Departament

E-mail: APM1950@yandex.ru

Tel.: (473) 239-29-35